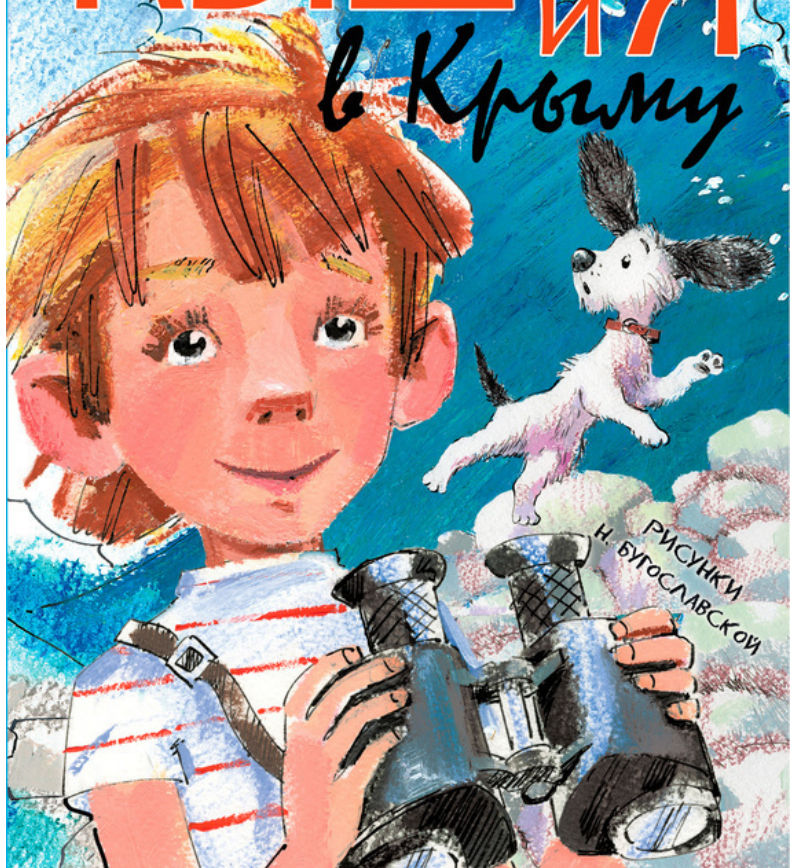

Юз Арешковски

КЫШИЯ

в Крышу

РИСУНКИ
Н. БУГОСЛАВСКОЙ

Юз Алешковский
Кыш и я в Крыму

Серия «Кыш и Двапортфеля», книга 2
Серия «Самые настоящие мальчишки»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7989266

Кыш и я в Крыму [повесть]/ Ю. Алешковский; ил. Н. Бугославской:

АСТ, Астрель; Москва; 2017

ISBN 978-5-17-095098-0

Аннотация

«Кыш и я в Крыму» – это продолжение повести Юза Алешковского «Кыш, Двапортфеля и целая неделя» про московского школьника Алёшу Сероглазова и его отважного пса Кыша. На этот раз мама, папа, Алёша и Кыш отправились в отпуск в Крым. И уже за первые несколько дней отдыха столько всего произошло! Алёша познакомился с бывшей крымской партизанкой, Кыш едва не утонул в море, а знаменитые алушкинские лебеди чуть не стали жертвами прожорливых дикарей. Спасти, защитить и предотвратить Алёше помогут новые друзья.

Для среднего школьного возраста.

Содержание

1	8
2	12
3	14
4	18
5	25
6	34
7	41
8	45
9	50
10	56
11	61
12	69
13	71
14	78
15	81
16	83
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Юз Алешковский

Кыш и я в Крыму

© Юз Алешковский, 2017

© Ил., Бугославская Н. В., 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

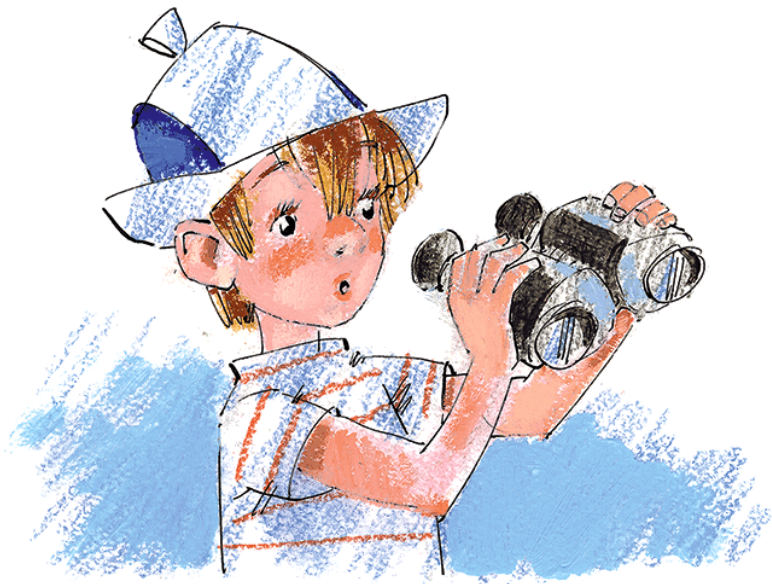
* * *

Юз Арешковский
КЫШНЯ
в Крыму

РИСУНКИ
Н. БУГОСЛАВСКОЙ

О том, что мы едем в Крым, я узнал всего за два дня до отъезда.

Мы с Кышем сидели на балконе, и я вдруг увидел своего папу. Он подошёл к дерущимся мальчишкам и что-то сказал им. Мальчишки неохотно подали друг другу руки и разошлись в разные стороны.

– Что ты им такого сказал? – спросил я папу, когда он пришёл домой.

– Я им сказал: «Дети! Я с сегодняшнего дня в отпуске. Я ждал этот день целый год. Пожалуйста, не омрачайте его. Дайте же друг другу руки! Поверьте мне: жизнь прекрасна!»

– Но ты же ещё вчера не знал про отпуск! – сказал я.

– Да. Тебе известно, что я люблю неожиданности? Так вот, сегодня утром мне вручают в местном путёвку и говорят: «Дорогой Сероглазов! Посмотри на себя! На тебе же лица нет. Ты нервный и просто обуглился на работе. Мы не можем допустить, чтобы наш ведущий конструктор таял не по дням, а по часовому графику. Поезжай в Крым!»

Я ещё не успел всё сообразить как следует, а папа уже говорил маме по телефону:

– Ирина, я не шучу... Послезавтра мне необходимо быть в Крыму... Именно с женой и с ребёнком. Ты же говорила, что можешь уйти в отпуск в любую секунду? Говорила. Вот и уходи. Выключи свою электронную машину и уходи. Машине тоже нужно отдохнуть, а то у неё шарики начнут барахлить... Быстрее пиши заявление. Мы с Алёшей упаковали первый чемодан. Как, как? Вопрос о поездке собаки мы обсудим не по телефону. Пока... Да! Жить будете в доме у тёщи моего сослуживца. Я договорился...

– Без Кыша никуда не поеду, – сказал я. – Мне не нужен никакой Крым!

– Ты погоди занимать твёрдую позицию. Вот придёт мама, мы сядем за наш круглый стол и начнём переговоры на самом высоком уровне.

– А ты за кого будешь? – спросил я.

– Я буду за разумное решение проблемы, – сказал папа.

– Тут только одно решение: взять Кыша с собой! И всё! Даже переговаривать не желаю!

– Давай до начала переговоров не заводите их в тупик. Идёт?

– Попробуем, – сказал я, решив ни за что не сдаваться. Потому что я просто представить не мог, как это я уеду в

Крым без Кыша.

Я присел около Кыша, приподнял его длинное мохнатое ухо и шепнул:

– Не бойся! Я тебя не предаю. А если начнут спрашивать, как ты будешь себя вести, отвечай, что хорошо, обещаний надавай и, главное, посильней виляй хвостом. Понял?

Кыш ничего не ответил и только глубоко вздохнул...

2

До прихода мамы я помогал папе укладывать чемодан. Он сложил в него свои майки, трусики, рубашки, кеды, джинсы и тоненькую книжку, которая называлась «Угрожает ли Солнечной системе тепловая смерть?».

Я, конечно, сразу поинтересовался, что такое тепловая смерть и вправду ли она нам угрожает? Папа сказал, что угрожает, хотя до этого ещё очень далеко, миллионы лет, но если люди вроде меня будут получать по арифметике тройки, а иногда и двойки, то тепловая смерть Солнечной системы наступит гораздо раньше, чем ожидалось. Ещё папа сказал, что если люди вроде меня подтянутся по всем предметам, то через тысячу лет они запустят в небо искусственное солнце, а может быть, даже не одно, а целых три штуки. И тогда в Москве круглый год будет тепло, как в Крыму.

– А пока что, – добавил папа, – позаботься о том, чтобы не получить у моря солнечный или тепловой удар. Найди свою панамку и сделай из доски, которая лежит на балконе, четыре стойки. Ты будешь с мамой на пляже натягивать на них простыню и спасаться от солнца.

– А ты разве не будешь с нами лежать на пляже? – спросил я.

– У дома отдыха свой пляж. Туда не пускают посторонних. Даже детей и жён.

– Почему?

– Потому что таковы тамошние правила. Между прочим, – сказал папа, – я позвоню своему однокласснику Мише Фингерову, он работает в зоопарке, и спрошу, не вредна ли Кышу поездка в Крым, к морю.

– Понимаю, к чему ты клонишь, – сказал я.

– Будь уверен: я тебе не солгу. Что скажет Миша, то и передам. Но как быть, если врачи категорически запретят Кышу ехать?

Папа ещё не раз до прихода мамы и переговоров за нашим круглым столом пробовал обрабатывать меня разумными доводами насчёт Кыша, но я не сдавался, потому что не видел в этих доводах ничего разумного.

– Ты сам, – сказал я, – говоришь, что лучше умереть, чем предать лучшего друга. И я никогда не предаю Кыша!

3

Наконец, весёлая и радостная, вернулась с работы мама. Ей тоже подписали заявление об отпуске и завтра должны были выдать отпускные деньги. Папа показал маме путёвку на красивой бумаге и сказал:

– А вам придётся с Алёшей быть дикарями. – Мне показалось, что мама немного обиделась после этих слов, но папа добавил: – Не думайте, что я так уж жажду в дом отдыха. Я с удовольствием не разлучался бы с вами.

– Ты ведь мог отказаться от путёвки, – заметила мама.

– Это было просто невозможно. Местком сказал мне: «Сероглазов, ты у нас самый нервный и справедливый человек. Отдыхай!» Как тут откажешься?

Мы уже кончили ужинать, но я нарочно не вмешивался в разговор. Я терпеливо ждал начала переговоров о Кыше...

Мама начала издалека. Она сказала, что недолгая разлука только укрепляет чувства друзей.

– Не люблю людей, которые нарочно разлучаются для проверки всяких чувств, – заметил я спокойно.

– Он прав, – сказал папа и как-то странно посмотрел на маму.

Тогда мама без долгих слов призналась, что она очень любит Кыша. Но что я себе не представляю всех трудностей, связанных с питанием и проживанием собаки на курортах

Крыма.

Мама обрисовала мне тысячу разных трудностей. И переезд, и жару, и солёную морскую воду, и набитые битком автобусы, и невозможность пойти с Кышем в кино и на концерты, и скандалы на пляже из-за того, что пляж не для собак, а для людей, и ещё много чего другого.

– Это будет не отдых, а пытка! – под конец своей речи сказала мама.

Кыш после её слов, еле слышно застонав, вылез из-под

круглого стола и с опущенным хвостом печально поплёлся в другую комнату.

– Так. У одного из участников переговоров не выдержали нервы, – сказал папа.

– А ты, я вижу, дипломат! – вспыхнула мама.

– Совершенно верно, – согласился папа.

– Тогда тебе незачем лечить нервы. У дипломатов они крепки, как канаты, – сказала мама.

– Просто мы, дипломаты, умеем себя держать в руках, как бы ни пошаливали нервишки, – объяснил папа.

– Повторяю: я хочу отдохнуть. Вы можете это понять? – спросила мама. – Или вы бесчувственные эгоисты?

– А что значит отдохнуть? – сказал я.

– Это значит: спокойно купаться, загорать, читать, ходить на экскурсии и в кино.

– Выходит, Кыш тебе помешает? – спросил я.

– Не знаю. Ведь мы ни разу не отдохали вместе.

– Вот и давай попробуем, – предложил я. – Знаешь, какие условия я тебе создам? Ты не будешь беспокоиться ни о чём! А я буду ходить в магазины и на базар. Буду стирать сам свои носки и трусы и, уж конечно, кормить Кыша. И тебе не придётся волноваться из-за меня, как в Москве! Вот увидишь!

– Ты обещаешь без спроса не лазить в море? – спросила мама, начиная сдаваться.

– Слово! – сказал я.

– Ты обещаешь не получить солнечный удар?

– Слово!

– Ты обещаешь не тянуть в рот грязные фрукты?

– Слово!

– Ты обещаешь никуда от меня не убегать и не теряться?

– Слово! – заверил я.

– Хорошо. Ваша взяла, – сказала мама. – Завтра же возьмите справку о состоянии здоровья Кыша. Без неё ему не дадут билет на самолёт.

Я встал на стул, поцеловал маму и сказал:

– Не бойся. Всё будет хорошо. Ты отдохнёшь, как никогда.

– Посмотрим... посмотрим, – ответила мама.

4

Время до нашего отлёта тянулось долго-долго. Ещё дольше, чем последний день четвёртой четверти. И только на трапе, когда папа показывал красивой девушке наши билеты на самолёт, я вдруг почувствовал, что это – правда! Ещё совсем немного, заревут реактивные моторы, и мы полетим в Крым!

Моё место в самолёте было у круглого окошечка – иллюминатора. Кыш сидел у меня на руках и вёл себя спокойно. Только когда самолёт разогнался, он уткнул морду мне под мышку, как будто не хотел ничего ни видеть, ни слышать.

Я его гладил, успокаивал и говорил, что собаки теперь бывают в космосе, а там страшней, чем в реактивном «Ту-104», летящем совсем не высоко над землёй. И из-за того, что я всё время беспокоился о Кыше, я сам ни разу не струсил...

...Потом красивая девушка принесла нам минеральную воду и конфетки, которые едят в небе, и опять велела всем пассажирам застегнуть ремни. Папа научил меня при снижении часто щёлкать зубами, чтобы не заложило уши, а Кышу выдал кость с хрящиками, так как конфету грызть он не желал.

Рёв моторов сделался немного тише, у меня всё оборвалось внутри, когда самолёт провалился на секунду в яму, а в ушах как-то зашипело и стало покалывать тысячью иголо-

чек.

– Кыш, – сказал я, – мы идём на посадку! – И не услышал собственного голоса.

Я испугался, по совету папы защёлкал зубами, в ушах у меня вдруг выстрелило, и я услышал, как папин сосед громко жалуется красивой девушке, нашей бортпроводнице:

– Возмутительно! Я молчал, когда собака дёргала мой зонтик! А теперь в самолёте создана ужасная атмосфера: глодают кость, щёлкают зубами! В конце концов, мы не в купе поезда. Мы в полёте. Здесь нервы напряжены до предела!

– Извините, но я не могу запретить собаке глотать кость, а мальчику щёлкать зубами. Пожалуйста, договоритесь между собой сами, – с улыбкой сказала девушка.

Как только мы сошли с трапа, Кыш прямо заскулил от радости и даже лизнул бетонную дорожку аэропорта. Он был счастлив, что вернулся с неба на землю.

Мы получили наши чемоданы и встали в очередь на такси.

Кыш лежал в тенёчке за чьим-то чёрным чемоданом, часто дышал, свесив язык набок, и то и дело с упрёком поглядывал на солнце. Ведь оно пекло действительно почище, чем в Москве.

А я рассматривал красивые разноцветные наклейки на чьём-то чёрном чемодане и спрашивал у мамы, что на них написано нерусскими буквами.

Это были названия разных городов и гостиниц.

Вдруг к очереди подъехал голубой микроавтобус «Рафик». Из него высунулся человек со шрамом на щеке, которого я видел в самолёте, и спросил:

– Товарищи! Если среди вас есть с путёвками в «Кипарис», милости прошу, довезём.

– Я в «Кипарис»! – сказал папа. – Но у меня семья и собака.

– Садитесь. В «Рафике» места хватит всем, – сказал человек со шрамом.

– Простите, и я в «Кипарис», – обратился к нему хозяин чемодана с разноцветными наклейками. – Мне тоже можно?

– Конечно. Садитесь.

Потом, наверно решив не стесняться, из очереди вышли ещё два человека: небритый высокий парень с рюкзаком за плечами и папин сосед, ворчавший на нас с Кышем. Он спросил:

– Эта машина прислана за нами из дома отдыха, или вы везёте нас частным образом?

– Частным образом, – ответил человек со шрамом.

Сначала мы ехали по шоссе, потом проехали по городским улицам, потом снова выехали за город и мимо зелёных яблоневых садов, мимо голубых и розовых домиков и взяли курс к морю.

Обернувшись к нам, человек со шрамом сказал:

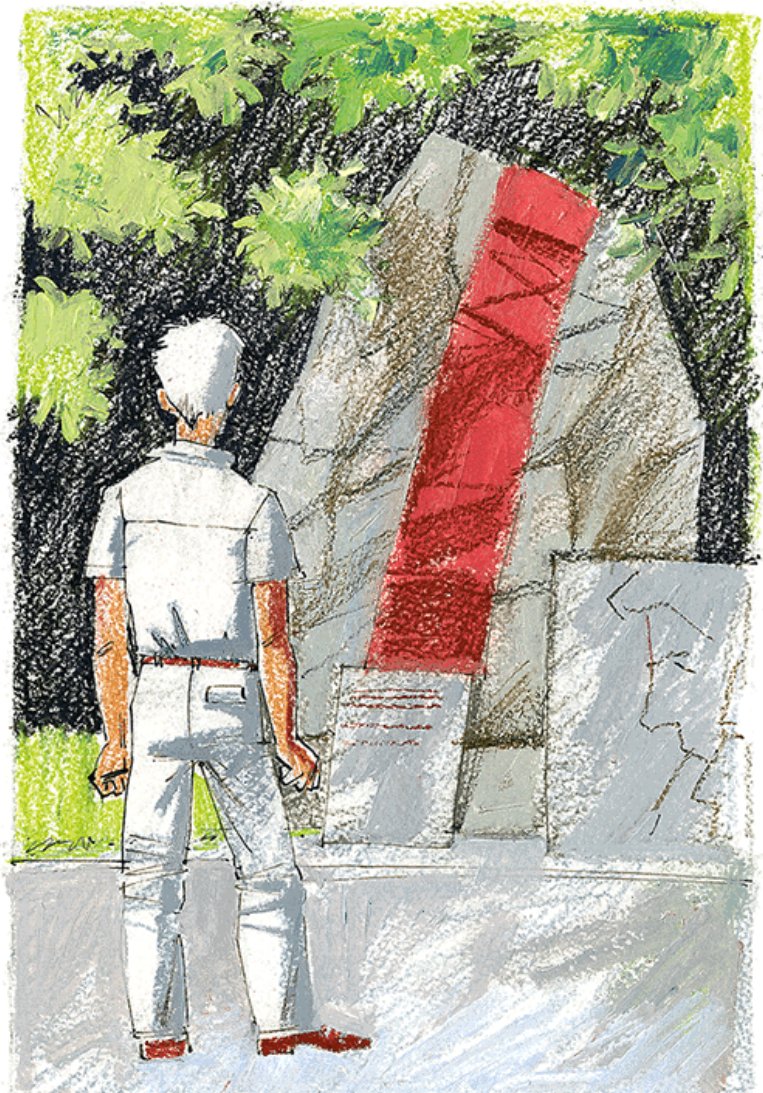
– Давайте знакомиться. Василий Васильевич Васильев.

– Меня зовут Алёша.

– Ирина Дмитриевна, – представилась мама.

– Митя, – сказал папа.

– Фёдор Ёшкин, – сказал небритый парень.

– Милованов, – сказал хозяин большого чемодана с наклейками.

– Торий Иванович Грачёв, – неохотно, но важно объявил папин сосед.

– Не сочтите за подковырку, – спросил Милованов, – почему вы Торий?

– Мои родители – химики, – сухо объяснил Грачёв, – и в знак уважения к Периодической таблице элементов выбрали мне имя по ней.

– Значит, вы вполне могли бы стать Азотом или Алюминием? – пошутила мама.

Грачёв ничего не ответил.

Мы с Кышем смотрели в окно на огромные зелёные волны гор по обеим сторонам шоссе.

Неожиданно шофёр затормозил, съехал на обочину, а Василий Васильевич вышел из машины, подошёл к серому камню с красной наискосок полосой, постоял около него, наверное, целую минуту, и мы снова поехали.

– Что это за камень, у которого он стоял? – спросил я у мамы.

– Памятник крымским партизанам, – сказала мама.

Всю дорогу Василий Васильевич больше ни с кем не разговаривал. Остальные беседовали о всякой всячине и спорили, а я ждал, когда покажется море.

С высоты оно было совсем не таким, каким я его себе представлял. Просто далеко под нами до горизонта тянулась голубая, в белой туманной дымке пустыня. И на ней нельзя было заметить барашков волн, а над ними кричащих чаек. Когда мы подъезжали к Гурзуфу, папа показал мне гору Аюдаг, похожую на медведя, пьющего воду, и объяснил, что у подножия этой горы находится «Артек» – самый лучший в мире пионерский лагерь.

Мы проезжали через Гурзуф.

Федя Ёшкин всё время высовывал голову из окошка и повторял:

– Ну сила!.. Ну красотища!..

Милованов вдруг попросил шофёра остановиться около каменного дома. Выйдя из машины, он, сложив руки на груди, посмотрел вдаль.

Посмотрев вдаль, он снова сел в машину, и мы поехали дальше.

Кыша, наверно, укачало. Он дремал у меня на коленях.

Мне было страшней, чем в самолёте, особенно на поворотах, и я один раз ахнул, а шофёр сказал:

– Это ерунда. На старой дороге виражи покруче.

Потом я тоже задремал, проспал Ялту и проснулся, когда машина вдруг остановилась. А остановили её двое мальчишек и одна девчонка. Она сказала, когда Василий Васильевич открыл дверцу:

– Здравствуйте! Мы пионерский патруль. А вы приезжие?

– Да. Кроме водителя, – ответил Василий Васильевич.

– Добро пожаловать в Крым! – сказала девчонка. – Очень просим вас не жечь в лесу костры, не вырезать своих имён на стволах деревьев, не сорить в парках и на пляжах, любить и уважать домашних животных. Извините! Всего хорошего.

– Счастливо отдыхать! – сказал один из мальчишек. На груди у него был настоящий бинокль, и в руке он вертел настоящий свисток.

Я подумал, что это интересное дело – останавливать машины, ловить поджигателей лесов, смотреть в бинокль с такой верхотуры на море, и попросил ребят:

– Примите нас к себе в патруль. Мы с Кышем умеем разоблачать и ловить преступников!

– Ловить! Ха-ха-ха!

– Разоблачать! Ха-ха-ха!

– Сыщики! Ха-ха-ха!

Все трое покатывались от хохота, показывая на меня пальцами, пока Кыш не зарычал и не залаял. Шофёр в это время

проверил уровень масла в моторе.

– Скучно тебе здесь не будет. На пляжах полно ребят. Найдёшь друзей, не волнуйся, – сказала мама.

И мы поехали дальше...

– Алупка! – вдруг сказал папа. – Я не был здесь десять лет! Вон дворец... парк... кино... Хаос...

Сверху да ещё на ходу я не смог различить ни дворца, ни парка и не заметил никакого хаоса. Наоборот, везде, куда ни помотришь, был виден порядок и везде гуляли люди. И чувствовалось, что они не спешат на работу, никуда не опаздывают, а просто отдыхают.

Наша машина остановилась около каменных ворот, прямо у белокаменного льва. Я вылез, подошёл к нему, погладил по гриве и прочитал на лапе, на которую лев положил свою громадную голову, корявые буквы: «Нет в жизни счастья. Вася».

Потом я подошёл к машине и услышал, как Торий говорил Василию Васильевичу:

– Благодарю. Сколько я должен за проезд?

– Вы ничего не должны. Спрячьте, пожалуйста, деньги, – ответил тот и сказал папе, маме, Милованову, Феде, мне и Кышу: – Вы тоже не беспокойтесь... Иван Иванович! Пожалуйста, добросьте Ирину Дмитриевну, парня и пса до их дома. Ведь вы будете жить не в «Кипарисе»?

– Нет, нет. Они на частной квартире, – ответил за маму папа. – В доме Ершовой. Высокая улица, дом 7.

Мне показалось, что, услышав фамилию тёщи папиного

сослуживца, Василий Васильевич что-то хотел спросить, но потом передумал и сказал папе:

– Вы проводите своих, а мы донесём ваш чемодан до корпуса.

«Рафик» немного проехал в гору, потом свернул направо и остановился у дома № 7 по Высокой улице.

Вообще-то самого дома с улицы не было видно. Белый квадратик с семёркой висел над калиткой в сложенной из неотёсанных камней ограде. Она была высокой, по ней, как питон, вилась виноградная лоза, а на самом верху росли какие-то колючие кусты.

– Здесь мы будем жить, – сказал я Кышу. – Вести себя надо как следует. Понял? Тут хорошо играть в крепость.

Кыш кивнул. Последнее время он совсем повзрослел и стал разговаривать только в крайних случаях. А может быть, он устал с дороги.

Мы попрощались с шофёром, и папа всё-таки напоследок спросил у него:

– Наш попутчик, очевидно, важная шишка, если за ним прислали машину?

– Это уж вы, пожалуйста, у него у самого спросите, – как-то таинственно ответил шофёр и уехал.

Мама открыла калитку, мы взяли свои вещи и по каменным ступенькам поднялись во дворик.

– Какая прелесть! – тихо сказала мама.

В глубине дворика стоял небольшой белый дом. К нему

вела выложенная из того же самого камня, что и ограда и ступеньки, дорожка. И по обеим сторонам дорожки росли разноцветные розы. А за ними был сад и огород.

Кыш вдруг молча и быстро пронёсся по огороду, загнал кошку, не успевшую даже мяукнуть, на дерево и только тогда залился лаем. Это он повторял свою клятву преследовать кошек до конца своих дней всегда и везде.

– Кыш! Фу! – крикнул я Кышу. – Фу!

– Если сейчас нам откажут от дома, – тихо сказал мне папа, – то Кыш отправится в Москву с первым же самолётом. Ты понял?

Я ничего не успел ответить. Дверь дома открылась, и на крылечко вышла хозяйка. Она сначала посмотрела на свою кошку, потом на Кыша, потом подошла к нам, вытерла руки о передник, улыбнулась и сказала:

– Добрый день! Милости прошу. Вы Сероглазовы?

– Да! Это мы! – обрадовался папа. – Дмитрий, Ирина, Алёша и Кыш.

– А я Анфиса Николаевна. Пройдёмте в дом.

Поставив чемоданы в нашей комнате, папа заспешил в дом отдыха.

– Прекрасная комната! Прохладная, светлая! Здесь будет хорошо, – сказал он и ушёл.

Кыш сразу обнюхал комнату и, конечно, остался недоволен, потому что вся она пропахла кошкой. Даже на колючке алоэ белел клочок кошачьей шерсти.

– Ну, спасибо, Анфиса Николаевна! Поверьте, я прямо счастлива. Я чувствую, что мы здесь прекрасно отдохнём, – сказала мама.

– Погодите благодарить. Сначала поживите. Может быть, что-нибудь ещё не понравится. Питаться будете дома или в закусочных?

– Лучше бы самим готовить, – застеснявшись, сказала мама. – Если, конечно, разрешите.

– Бога ради. Будьте как дома.

– Вы уж извините, что мы с собакой. Нам не с кем было оставить этого разбойника.

– Ничего. Тут весело будет, – чему-то усмехнувшись, сказала Анфиса Николаевна.

– А ты, Алексей, воспитай Кыша в духе любви к кошкам. Он просто распоясался и нападает на слабых. Тоже мне царь зверей!

Кыш полез под стол. Там ему было прохладней.

Я достал из сумки его вещи. Миску вынес на крыльцо, а матрасик положил под окном около моего диванчика. Потом налил в миску воды и позвал Кыша. Он пришёл, посмотрел на дерево, увидел, что кошка ещё не слезла с него, и жадно начал лакать воду.

– Кошка – хорошая. Не тронь кошку, – говорил я ему. – Это от неё пошли цари зверей – львы, а не от вас, собак.

Услышав это, Кыш поперхнулся и закашлялся, но, однако, не залаял.

– Мам, пошли к морю! – сказал я и как-то не поверилось, что вот сейчас мы спустимся по дороге вниз и я первый раз в жизни окунусь в синее тёплое море.

– Перекусили бы сначала, – предложила Анфиса Николаевна.

– Ой! Мы лучше сначала искупаемся! Целый год ждала этой минуты! – сказала мама.

Пока она собиралась, я осмотрел комнату Анфисы Николаевны, прочитал названия на корешках книг в шкафу и спросил, кто эта девушка в военной форме на фотографиях.

– Я. Разве не похожа? – спросила Анфиса Николаевна.

– Вы ведь с тех пор стали старше, – сказал я, – и очень поправились.

Мама от досады, что я сказал что-то не так, прикусила губу, но Анфиса Николаевна только рассмеялась:

– За тридцать лет и ты, милый мой, постареешь и поправишься.

– Значит, вы воевали? – спросил я.

– Воевала.

– И стреляли?

Тут мама меня заторопила. Я ещё раз посмотрел на фотокарточки нашей хозяйки. Вот она с автоматом на груди стоит у перешибленного, наверно, снарядом кипариса... Высовывается из окна санитарной машины... Сидит у радиоприёмника в наушниках...

К морю мы не просто шли, а всё время спускались по каменным лесенкам. Сначала я считал ступеньки, а потом перестал.

– А вот это парк. Смотри! – вдруг воскликнула мама.

Мы шли, и она объясняла, как называются цветы, кусты и деревья. Но цветов, кустов и деревьев, причём самых разных, было так много, что их названия перепутались в моей

голове. Чинары... Каштаны... Атласские кедры... Сосны... Самшит... Кизил... Агава... Магнолия...

Я шёл и глазел вокруг, а Кыш принюхивался к разным запахам. И оттого, что запахов в парке, наверно, было ещё больше, чем цветов, кустов и деревьев, и все они перепутались у Кыша в носу, он часто чихал, мотая головой, и повизгивал от удовольствия. Потом вдруг пропал. Мы забеспокоились. Мама сказала, что он мог опьянеть от большого количества эфира в воздухе и заснуть. Где его тогда искать?

Я начал свистеть и кричать:

– Кыш! Кыш! Ко мне! Куда ты пропал? Ко мне!

И какой-то старичок в белом костюме сразу же подошёл и тихо сказал маме:

– Извините, пожалуйста, в ту минуту, когда раздался свист и жуткий вопль вашего мальчика, я думал именно о тишине. Да, да! Я думал о том, как нам повезло, что мы живём в одном из самых тихих и чудесных уголков земли, в Крыму. О том, что тишина восстанавливает силы кузнецов, шахтёров, сталеваров, машинистов – в общем, всех уставших от шума и грохота работы. И людям, малыш, и земле нужна тишина. Постарайся её никогда без надобности не будить.

Старичок говорил так добродушно, что я ни капли не обиделся за замечание, а мама сказала:

– Извините, у нас потерялась собака. Ведь надо же её позвать.

– Умная собака обязана слышать шёпот своего хозяина, –

сказал старичок. – И читать его мысли на расстоянии.

И тут, как назло, будя тишину, отчаянно скуля, откуда-то из-за кустов на трёх ногах к нам прискакал Кыш. Он, не переставая скулить от боли, лёг на спину и задёргал правой задней лапой. Я присел и осмотрел её. В одной из чёрных шершавых подушечек на лапе торчала большая колючка. Она обломалась, и я никак не мог её вытащить. Кыш визжал. Нас окружила толпа отдыхающих. Все стали давать советы. Мама тоже попробовала вытащить занозу, но только обломала но-

готь. Тогда я решился, прицелился как следует, с одного раза вытащил зубами здоровенную колючку и показал её окружающим. Мама тут же заставила меня прополоскать рот у фонтанчика для питья, а Кышу смазала лапу йодом, который почему-то оказался в её сумочке. Кыш оттого, что лапу защипало йодом, завопил ещё сильнее, но быстро замолчал, прошёлся на трёх лапах, потом осторожно ступил на раненую, проверил, не очень ли больно на неё ступать, прохромал метров пять и вдруг, наверно забыв про занозу, полетел со всех ног на лужайку и начал есть какие-то травки. Старичок похвалил меня за то, что я оказал первую помощь раненой собаке.

Потом мы стояли на краю высокого, крутого обрыва, и перед нами было море. Кыш жался к моей ноге, а я взял маму за руку и молчал, поражённый солнечной голубизной. И глаза у меня слезились от морского ветра. Он был так силён, что поддерживал нас, когда мы спускались с обрыва к морю.

– Это дикий пляж, – сказала мама.

Кыш первым подбежал к воде, лизнул её, фыркнул; в этот момент как раз набежала волна, но он ухитрился подпрыгнуть и отбежать. Отбежал, улёгся между двух камней и стал следить за волной. Он думал, что она с ним играет, но подойти поближе боялся.

Мы устроили навес из простыни и пять минут загорали, ворочаясь с боку на бок. Потом пять минут сидели под навесом, а уж когда у меня сил больше не было терпеть – так хотелось купаться, – пошли в море.

– Кыш, – позвал я. – Иди сюда!

Но он, поджав хвост, забрался в тенёк под простыню.

Босиком по камешкам идти было больно. Я кому-то наступил на ногу, отскочил, испугавшись, в сторону и упал на дремавшую женщину. Мама за меня извинилась. Я вошёл по пояс в воду, снова поскользнулся, упал, начал барахтаться и орать:

– Море! Море! Ура!

Мама велела мне сесть и сидеть в воде на одном месте, пока она сплавает до оранжевого шара, и не нарушать тишины.

И это было здорово: сидеть в море, перебирать руками камешки и держаться за большой камень, когда набегает и толкает в грудь волна. Мама, доплыв до шара, помахала мне рукой и поплыла обратно, а Кыш так больше и не подошёл близко к морю.

Вылезать из воды мне не хотелось, но мама сказала:

– На первый раз хватит. Пошли обедать. Ужас как есть захотелось!

Мы с Кышем сразу почувствовали голод: он облизнулся и наострил уши, а я сглотнул слюнки.

Сначала мы купили в магазине и накормили Кыша кусочками его любимого трескового филе. А потом он нас ждал, привязанный к дереву около «Пельменной».

Когда мы вышли оттуда, я увидел, что Кыш успел подружиться с большим псом шоколадной масти. Но Кыш закрутил поводок вокруг дерева, а обратно раскрутиться не мог и тихонько тьякал: просил пса о помощи. А пёс стоял над Кышем, доброжелательно виляя хвостом, и соображал, чего от него хотят. Я отпустил Кыша с поводка. Он стал припадать на передние лапы, приглашая пса повозиться, потом рванулся с места, думая, что его будут догонять, потом вернулся и с удивлением посмотрел на невозмутимого пса: «Что же ты за собака, если не хочешь играть?»

– Ему не до игры, – сказала мама. – Он старик. И между прочим, это пойнтер. Охотничий чистокровный пёс. Красавец.

– Как же он сюда попал? – спросил я вышедшую из «Пельменной» официантку.

– Бездомный. Третий год здесь бродит. Мы его не обижаем. Даже заелся немного. Конфеты любит. Купите и скажите ему: «Пиль!» Циркач, а не собака!

Мама купила в ларьке две карамельки, а я сказал псу:

– Пиль!

Лежавший на асфальте пёс мгновенно вскочил на ноги, весь подобрался, подогнул одну лапу и стал похож на бронзовую собаку, стоящую на мраморной подставке на папином письменном столе. И на него засмотрелись прохожие – так он был красив в стойке и не казался в этот миг обрюзгшим стариканом. Постояв немного, он устало присел и поднял морду вверх: ждал конфетку. Я бросил ему две карамельки. Он поймал их на лету, одну разгрыз, а другую положил около Кыша.

«Можно, я съем?» – спросил у меня Кыш.

– Ешь, – сказал я, чтобы добрый пойнтер не думал, что Кыш брезгует его угощением. И мне стало почему-то грустно, словно я час назад не радовался морю и не был счастлив,

что приехал в Крым. У мамы тоже был расстроенный вид. Она сказала, вздохнув:

– Алёша! Кыш! Пошли домой.

Кто-то ещё крикнул псу: «Пиль!», но он не сделал стойку, улёгся под деревом и задремал.

– Он умный, – сказала маме официантка, – выступает редко и не перед каждым. Ваш мальчик ему понравился.

– Это не я понравился, а наш Кыш, – сказал я.

По дороге домой мы заглянули в «Хозяйственные товары». Мама стала спрашивать у продавца, почему в магазине нет стирального порошка, а я увидел Федю Ёшкина, который рассматривал банки с масляной краской. Я подошёл и спросил:

– Федя, как там наш папа Сероглазов?

– Сероглазов лежит. Профессор сказал, что у него хроническое голодание! Что же вы довели человека? Он у вас тонкий, звонкий и прозрачный. Истощённый в прутик.

– Мама! Мама! – испугавшись, крикнул я. – Папа голодает! Он истощённый, оказывается! Профессор сказал!

– Что за чепуха? Почему ты кричишь в магазине? Почему папа голодает? Он же хотел есть, – сказала, подойдя, мама.

– Хроническое у него голодание. Врач установил, – подтвердил Федя и спросил у продавца: – Почём белила?

– Вам какие?

– Любые, – сказал Федя.

– Что красить-то собираетесь? – вежливо допытывался

продавец.

– Да ты мне продай белила и кисточку. Не всё ль тебе равно, что собираюсь красить. Дверь! Вот что! – сказал Федя.

Я подумал: «Странно! Зачем ему белила?» Мама, что-то купив, тревожным голосом позвала меня:

– Алёша! Идём к папе!

Кыш сидел на улице около входа, окружённый ребятами. Среди них были двое мальчишек из пионерского патруля. Это они просили нас при въезде в Алупку уважать природу, не жечь в лесу костров и не сорить на пляже.

– Какой породы? – спросил один из них про Кыша.

– Секретная овчарка, – ответил я.

– Не выхваляйся, – сказал другой мальчишка. – Хвальба.

«Гавв! Аав!» – прикрикнул на него Кыш.

Мы догнали маму. Я спросил у неё, как правильно говорить: «хвальбов» или «хвальб», но она сказала, что я всегда пристаю с трудными вопросами в самое неподходящее время, и не ответила. Она стала вспоминать, как папа много раз уходил утром на работу не позавтракав и как он ложился спать не поужинав, если в моём дневнике были двойки или замечания по поведению.

– И ты и я, – сказала мама, – толстокожие, бездушные существа. Ведь папа таял буквально на наших глазах!

В седьмую палату нас сначала не пустили, но мама таким голосом сказала сестре-хозяйке, что в тяжёлую для папы минуту его жена и сын должны быть с ним рядом, что сестра-хозяйка сама проводила нас к папе. А Кыша я привязал к столбику на газоне.

Мы на цыпочках зашли с мамой в седьмую палату. Папа лежал в чёрно-белой полосатой пижаме у окна и печально смотрел на завитки жёлтой колонны. Одна его рука безжизненно свисала с края кровати, другой он крутил пуговицу. Сестра-хозяйка сочувственно покачала головой. В палате, кроме нас, больше никого не было.

Мама молча села на стул и с большой болью стала смотреть на папу. Папа глазами сказал мне: «Здравствуй!» А маме слабо улыбнулся. Мне тоже было его жалко, и я вспомнил, как он много раз говорил нам: «Не трепите мне, пожалуйста, нервы, а то я рухну в один прекрасный момент...» И вот этот совсем не прекрасный момент наступил. Папа лежал, худой и небритый, и, улыбаясь из последних сил, смотрел то на меня, то на маму. Потом он сделал попытку присесть, но не смог и, застонав, рухнул обратно на подушки.

– Ты уж лежи и не двигайся, – сказала ему мама.

Но папа, к нашему удивлению, вдруг вскочил с кровати и строго спросил маму:

– Что значит: «Ты уж лежи и не двигайся»?

– Нам сообщили, что ты... хронически истощён, – растерянно ответила мама. – И что тебе это сказал профессор.

– Кто вам сообщил? – так же строго спросил папа.

– Федя. С нами ехал который, – сказал я.

– Ну я ему дам жизни за передачу информации! – Папа погрозил кулаком кровати, под которой лежали какие-то верёвки и железные крючки. Я понял, что это кровать Феде.

Погрозив кулаком, папа рухнул на кровать и захохотал, наверно вспомнив, с какой болью и жалостью мы с мамой на него смотрели.

– Я действительно истощён, – вытерев слёзы, сказал он. – И у меня хроническое голодание. Но мышечное!!! Мои мышцы одрябли без движенья! Вот до чего меня довела умственная работа. Понятно?

– А что же ты лежал тихий и грустный, словно помирал? – спросила мама.

– Я объелся за обедом. Здорово кормят, – объяснил папа.

– Жена, пройдите из палаты, пройдите, – обиженно, как будто мы её нарочно разыгрывали, сказала сестра-хозяйка. – Нехорошо обманывать персонал.

– Поверьте... – Мама не успела договорить до конца.

В палату вошёл тот самый старичок, который учил меня любить тишину, увидел нас, снял очки, протёр их, надел, нагнулся и посмотрел под папину кровать. Я догадался, что он ищет Кыша, и успокоил его:

– Собака на улице.

«Ав! Аув! А-ав!» – залаял Кыш в подтверждение моих слов.

Я выглянул в окно, свистнул, помахал ему рукой. Кыш замолчал.

– Очень хорошо, – сказал старичок. – Слушайте меня внимательно. Вы понимаете, что ваш муж – жертва цивилизации? Да! Да! Он стоит на пороге гипертонии, атеросклероза,

инфаркта и инсульта! Посмотрите на его тело! – Профессор ткнул папу пальцем в грудь, и я первый раз увидел, как папа виновато стоит перед старшим. – Где его мышцы? Я вас спрашиваю, где они?

Старичок уставился на меня, я подумал, что он ждёт ответа, и сказал:

– Папа много думал. Они пропали от мыслей.

– От мыслей? Древние эллины думали не меньше нас, но они с громаднейшим уважением относились к своему телу. А вы, Сероглазов, к своему относитесь наплевательски! И вот – результат. Мадам Сероглазова, – тихо и почтительно сказал старичок маме, – я попытаюсь сделать из вашего мужа гармоничную личность. Помогите мне в этом! Забудьте о нём на двадцать четыре дня! Не отвлекайте его от процедур. Сероглазов, почему вы лежите после обеда? Марш на тропу номер два!

Папа быстро, как по тревоге, снял полосатую пижаму, надел спортивные брюки и выбежал из палаты.

– Где Милованов, Ёшкин и... этот... как его... три Василия? – спросил старичок у сестры-хозяйки.

– Не знаю, Корней Викентич... После обеда как в воду канули. К морю небось пошли.

– Седьмой палатой я займусь лично! – пообещал старичок.

В этот момент в палату вбежали две молоденькие медсестры, крича:

– Профессор! Геракла всего исцарапали!

– Только что! Порезы свежие!

Профессор Корней Викентич по-прежнему тихо и вежливо сказал нам всем:

– Дожили-с! – и стремительно вышел из палаты.

– Кто такой Геракл? – спросил я у мамы, когда мы тоже заспешили посмотреть, кого это только что исцарапали.

– Увидишь.

9

Корней Викентич бежал по двору. За ним еле поспевали сёстры.

Мы одолели несколько лесенок, от которых за целый день у меня уже ломило ноги, и пришли на площадку, посыпанную толчёным кирпичом. Она была окружена кустами, подстриженными под шары. И на ней стояли белые фигуры трёх мужчин и одной женщины.

К одной из фигур и подбежал Корней Викентич и грустно сказал:

– Варварство!

Мы подошли поближе и увидели прямо на животе Геракла два слова:

ЗДРАВСТВУЙ, КРЫМ!

– Это сегодня! Он только что был здесь! Смотрите: вот кусочки побелки! – сказал Корней Викентич. – Он живёт среди нас, этот варвар!

– Корней Викентич, по территории, бывает, и дикие бродят, – сказала сестра-хозяйка, как-то нехорошо посмотрев на меня с мамой.

– Я полвека живу и работаю в Крыму, – сдув кусочки побелки с ноги Геракла, сказал профессор. – Видел изуродованные и изрезанные деревья, скамейки, парапеты, скалы, камни и стены, видел выжженный лес и замусоренное море, но ни разу в жизни я не видел того, кто режет, портит и жжёт. Буквально ни разу! Он в стороне от глаз людских делает своё чёрное, грязное дело! Но грядёт час! Грядёт! – погрозил кому-то пальцем профессор.

В этот момент на тропе номер два показался бегущий трусцой, как пони в зоопарке, папа. Мама, увидев его, засмеялась. Папа застеснялся и сменил бег на шаг. Он подошёл к нам и спросил, что случилось. Корней Викентич сказал:

– Произошло преступление. Несколько часов назад. Возможно, преступник и варвар среди отдыхающих. Вот – взгляните! Я сегодня же всем сообщу об этом во время ужина.

Папа посмотрел на слова: «Здравствуй, Крым!» – и сказал, поиграв желваками:

– Попробовал бы этот варвар причинить лёгкие телесные повреждения живому Гераклу!

– Позвольте! Это, по-вашему, лёгкие повреждения? – спросил профессор. – Продолжайте, Сероглазов, бег по тропе! – строго велел профессор. – Сейчас не до дискуссий. Позвольте откланяться! – Он поклонился маме и, заложив руки за спину, быстро пошёл к санаторию. Сёстры бросились за ним. Вдруг он обернулся, сказал папе: – Берите пример с Геракла. Носите в душе образ античного человека! – И пошёл дальше.

Папа помахал нам рукой.

– Слушай, не стыдно? Ведь мы забыли про Кыша, – сказала мама. – Пошли!

– Почему забыли? Просто я за него спокоен. Он не лает. Наверно, спит. Сейчас тихий час.

И только я это сказал, как Кыш, как назло, залаял. По жалостному лаю я понял, что его кто-то обижает. Мы побежали и увидели картину, которая мне никогда не могла бы даже присниться: Кыш, прижав уши, поджав хвост от страха и сторбившись, пятился на газоне за оградой от... павлина!

А настоящий живой павлин с распущенным хвостом, медленно вышагивая, наступал на Кыша.

Я заспешил, когда увидел, что профессор Корней Викентич направился к Кышу, который снова разбудил тишину.

– Сейчас же остановите собаку! – попросил Корней Викентич маму. – Павлин в опасности!

– Извините, пожалуйста, но здесь на каждом шагу сюрпризы, – виновато сказала мама. – Кыш!

Кыш виновато подошёл к маме.

В окнах главного корпуса сразу показались весёлые лица отдыхающих.

– Поверьте, – сказал Корней Викентич маме, – по свойству характера, я не могу выговаривать женщинам, но то, что сегодня произошло, выходит за рамки нашего разумного ре-

жима. Честь имею.

– Извините ещё раз, – умоляюще попросила мама.

Я потянул её за руку.

По дороге домой я внимательно смотрел на деревья и на многих стволах видел и свежие и затянувшиеся, как рубцы, буквы, имена и фамилии. А колонны, и скамейки, и перила белой беседки, из которой мы глядели на море, были исписаны и исцарапаны так, что на них не осталось свободного места. Даже синее небо реактивный самолёт размалевал белыми каракулями. Только море издалека казалось чистым и на скалах Ай-Петри не было видно ни имён, ни фамилий.

И я никак не мог взять в толк, зачем люди это делают, зачем где попало оставляют свои имена?

Я спросил про всё это у мамы, но она ничего не смогла мне ответить.

Вдруг я подумал, что нужно найти тех самых ребят из пионерского патруля и что-нибудь предпринять. А что именно, я сообразить не мог. Просто я почувствовал, что необходимо объявить войну варварам. Потом я спросил у мамы:

– Расскажи мне про Геракла. Кто он такой?

– Он был самым сильным человеком древнего мира, – сказала мама.

– Как сейчас наш Василий Алексеев?

– Совершенно верно, – сказала мама.

Когда мы пришли на Высокую улицу, Кыш первым делом снова загнал кошку на дерево. Дерево было громадным, и его светло-зелёные ветви в тёмных пятнах извивались над землёй, как огромные удавы. Кошка ходила по ветвям, и над ней, словно опахала, с тихим шелестом покачивались лапчатые листья.

Мама извинилась за Кыша перед Анфисой Николаевной. Но та снова как-то странно улыбнулась и сказала, что кошка Волна постоит сама за себя.

– По-моему, вы чем-то очень расстроены? – спросила мама. – Я это чувствую.

– Пустяки. Кто-то залез в огород. Огурцов натаскал. Первых. С пупырышками. Знает, что они сейчас самые вкусные. И мальву помяли.

Я срезал сломанную мальву – красивый цветок, который раньше никогда не видел. Он был похож на ручной фонарик с десятком ярко-жёлтых огней, и цветы-огоньки снизу были большими, а наверху, на макушке, маленькими.

– Да дело не в огурцах и не в мальве, – сказала Анфиса Николаевна и глубоко вздохнула.

– А в чём же тогда? – спросил я, потому что мне стало тревожно: огород обнесён каменной оградой, а кто-то среди бела дня, когда хозяйка в доме, похищает свежие огурцы.

– Долго рассказывать. И грустно, – сказала Анфиса Николаевна. Она сорвала несколько огурчиков и позвала нас ужинать.

Мама застеснялась и стала отказываться, но Анфиса Николаевна сказала, что мы её гости, а не дикари-квартиранты и что она предлагает нам по очереди готовить обеды, а деньги бросать в какой-то общий котёл. Мама обрадовалась.

Обе женщины начали готовить ужин, а у меня ноги подгибались от усталости. Я сел прямо на прохладный пол, прислонился к стене, и мне захотелось написать моему самому лучшему другу Снежке письмо про Крым.

Я достал из своего чемоданчика тетрадку в косую линейчку и шариковую ручку с разноцветными стерженьками.

Зелёным я решил написать про вечнозелёные кусты, деревья и склоны Ай-Петри. Синим – про синее море, непонятно почему называющееся Чёрным. Жёлтым – про мальву, которую сломал похититель огурцов. Красным – про солнце. А разноцветными словами я решил написать Снежке о павлине с великолепным хвостом.

Я писал долго, и до ужина, и после, но письмо оставалось коротким, хотя было красивым. Тогда я добавил в него рассказ про то, как вытащил зубами занозу из лапы Кыша, и про то, что я видел самого сильного мужчину древнего мира и что папа оказался жертвой цивилизации, а также попросил Снежку ответить мне, что такое цивилизация. Потом я сообщил, что Корней Викентич похож на Айболита, написал:

«До свидания!» – и провалился, заснул и не проснулся, когда мама с Анфисой Николаевной перенесли меня на раскладушку...

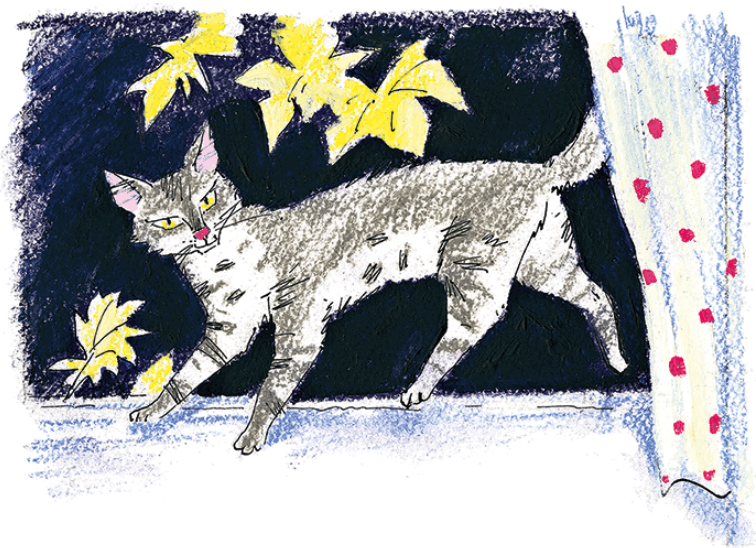
Ночью вдруг всех нас разбудил грохот, громкое мяуканье, визг и лай. Я вскочил с раскладушки, не сразу сообразив, где я нахожусь. По дому взаправду носился смерч. Мы с мамой начали искать выключатель, чтобы разнять дерущихся животных.

– Кыш! Фу! Фу! – кричал я.

Тут смерч вылетел в окно. Я понял, что Кыш продолжает ночной бой с кошкой в саду. А в доме стало тихо.

И в темноте к нам с мамой стал, хохоча, приближаться кто-то в длинной, до пола, белой одежде. Всё во мне замерло от страха, мама, прижав меня к себе, дрожащим голосом спросила:

– Кто здесь?

Свет вдруг зажёгся, и мы с облегчением вздохнули, увидев хохочущую Анфису Николаевну в ночной рубашке.

– Бога ради простите, – сказала она. – Совсем не думала, что Волна проучит Кыша прямо сегодня. – Она выглянула в окно и позвала: – Волна! Кис-кис!..

Немного погодя на подоконник с улицы, сверкая зелёными горящими глазами, прыгнула Волна, и я понял, что не ей, а Кышу на этот раз пришлось плохо. Волна, урча, кровожадно облизывалась и старалась стряхнуть с когтей клочки Кышевой шерсти. Кыш горько скулил под окном. Я позвал его, он подошёл и встал на задние лапы. Я втащил его в дом

и сказал:

– Не дразни кошку днём, и она тебя ночью не тронет. Она всё видит в темноте, ты же слепой и глупый. И потрепали тебя справедливо.

– Волна тут одну овчарку так испугала, что та за три версты теперь нас обходит.

Мама посмеялась с Анфисой Николаевной, потом Волну заперли на терраске, Кыш забился под раскладушку, и мы опять легли спать.

Утром мама сказала:

– Алёша! Можно, я прочитаю твоё письмо?

– Прочитай, – разрешил я.

Мама внимательно прочитала и снова спросила:

– Почему ты пишешь «Доброе утро, Снежка!» вместо «Здравствуй!»?

– Потому что почтальонша приносит письма утром, – сказал я. – А не днём и не вечером.

– А почему ты написал «Да свидания», а не «До свидания»?

– Потому что говорят: «Да здравствует», а не «До здравствует».

– У тебя в голове не грамматика, а каша, – сказала мама. – Стыдно посылать письмо с таким количеством ошибок!

– Вот ты никак не поймёшь, что если я пишу с ошибками, то Снежка с ошибками читает и всё понимает правильно. Одно накладывается на другое.

– Хорошо. Иди умывайся, – сказала мама.

Кыш из-под раскладушки сначала вылезать не хотел, но потом всё-таки вылез. Мы вышли вместе во двор. Волны нигде не было видно. Вдруг подул ветерок. Он донёс до Кыша её запах. Кыш зарычал.

– Не тронь кошку, а то ночью опять получишь, – сказал я.

Кыш лёг на дорожку, прикинул что-то в уме и пулей полетел к сарайчику. И тут же Волна сиганула через весь огород на дерево, на старую чинару. А Кыш лаял под ней. Он говорил:

«Я собака. Я тебя умней и не сдам. Ты увидишь, как я тебя перехитрю! Ав! Ав!»

– Ирина! Алёша! Быстрее идите сюда! – позвала Анфиса Николаевна. Голос её был взволнованным.

– Что случилось? Неужели опять огурцы? – спросила мама, когда мы подбежали к огуречным грядкам.

– Вот – смотрите!

На земле валялись три огурца, похожие на дирижаблики с жёлтыми пропеллерами. Анфиса Николаевна держалась за сердце.

– Вы не волнуйтесь, – сказала мама, – надо сейчас же заявить в милицию.

– Что вы! Что вы! Тут дело не в огурцах. Уж очень странно всё повторяется... Так странно... Ведь всё это уже было! – сказала Анфиса Николаевна.

– Когда? – спросил я.

– Тридцать один год тому назад. В июне сорок второго года... Сначала он просто натаскал огурцов и обломал жёлтую мальву... да... да... а на следующее утро на этом же месте я нашла три обронённых огурца!

Мы с мамой незаметно переглянулись.

– Мне тоже кажется, что когда-то я был здесь в Крыму, – сказал я, чтобы успокоить Анфису Николаевну.

– Да! Да! И у меня частенько бывает ощущение того, что какие-то мгновения когда-то уже были мной пережиты! – добавила мама.

– Но вы же не помните, в отличие от меня, когда именно они были. А я помню. Вплоть до дня помню... вплоть до часа... И сломанная жёлтая мальва и три огурца на земле... Не

с ума же я схожу в конце концов? – засмеявшись, спросила Анфиса Николаевна.

Пока меня не позвали завтракать, я внимательно осмотрел грядки и лужайку между ними и забором. Ведь должен был тот, кто лазил за огурцами, оставить хоть какой-нибудь след? А если он был не один, то тем более. Я же помнил, как в одном фильме сыщик говорил другому сыщику, что не бывает преступника, не оставляющего следов, а бывают инспектора, этих следов не замечающие. И всё же ни одного следа я не нашёл. Словно похититель огурцов висел в воздухе над грядками. Трава на лужайке была не примята, и в расщелинах камней ограды не виднелось ни крошки земли с ботинок. А перелезть через ограду ОН должен был обязательно, потому что калитка на ночь закрывалась.

Тут меня позвали завтракать. Я вымыл руки, прошёл на террасу и сказал, увидев нарезанные кружочками огурцы, к тому же политые сметаной:

– Что вы наделали? Ведь на огурцах, наверно, были следы от пальцев преступника!

– Слушай, ты давай ешь, а не ищи себе работу. Ты приехал отдыхать и набираться сил. И лечить своё горло, – сказала мама. – Во всём мы разберёмся без тебя.

Но я так загорелся этим делом, что мне было не до еды.

Я обрыскал на коленках всю лужайку, осмотрел каждый камень, но ничего не нашёл. «Не невидимка же ОН, в конце концов», – подумал я и позвал Кыша.

– Без вашего брата нам не обойтись, – сказал я ему, прицепил к ошейнику поводок, подвёл к тому месту, где нашли три огурца, и велел искать.

Но Кыш ленился, чесал нос лапой, ел травку и чихал.

Ко мне подошла Анфиса Николаевна.

Она спешила на работу в пансионат «Прибрежный».

Я спросил:

– А вы тогда поймали похитителя огурцов?

– Я сначала догадалась, кто он. Его фотокарточка справа от зеркала. Посмотри. Я спешу. Вечером поговорим.

Наша хозяйка ушла на работу, а я зашёл в дом, залез на стул и увидел справа от зеркала фото парнишки лет тринадцати в военной гимнастёрке. К ней были приколоты орден Красной Звезды и медаль «За отвагу».

«Вот так похититель!» – подумал я.

– Алёша! Пойдём скорей в «Кипарис», отнесём папе бритву. Она была в моём чемодане! – позвала мама. – Папа будет бушевать, когда её не найдёт.

Я залез на ограду, зажмурился, прыгнул на улицу и ушиб подбородок об коленку. Из глаз у меня посыпались искры.

– А если ты сломаешь ногу? Ты понимаешь, что сорвётся весь наш отпуск? – спросила мама. – Ты обязательно должен выходить на улицу именно таким путём?

– Я ищу след, – ответил я.

– Идём быстрее. Даю тебе честное слово, а ты знаешь, что оно действительно честное, что, если ты не будешь отдыхать как следует, если ты будешь лазить по заборам и вытворять чёрт знает что, я отвезу тебя на аэродром и отправлю к Сергею Сергеевичу! Ты понял? И не забудь про Кыша! Я всю ночь после его возни с кошкой не могла уснуть. Мне снились всякие ужасы, – сказала мама и даже дёрнула меня за руку. – Кроме того, я волнуюсь за папу, а тебе хоть бы хны! Ты вздумал играть в сыщиков, и я чувствую, что до добра нас это не доведёт. Местные хулиганы с тобой цацкаться не будут, учти. Мы с Анфисой Николаевной решили заявить в милицию, а ты, пожалуйста, сам ничего не предпринимай. Дай мне отдохнуть! Ведь у меня раз в году отпуск!

Я ещё раз пообещал помочь маме отлично отдохнуть. Она успокоилась и послала меня отнести папе бритву, а сама с Кышем осталась ждать на скамейке у ворот «Кипариса».

– Не волнуйся, если я задержусь. Вдруг папы нет на ме-

сте, – сказал я.

Папы в палате не было. Там сестра-хозяйка ругала Федю за то, что у него под кроватью лежали верёвки и железные крючья.

– Если сегодня же не уберёте, я напишу докладную Корнею Викентичу! – пригрозила она.

– Да я вообще могу съехать отсюда! Чем по вашим драконовским законам жить, лучше дикую койку снимать! – возмутился Федя. – Того нельзя, этого нельзя.

– Успокойтесь, голубчик. Стыдно такому Геркулесу капризничать, как мальчишке. Мы вас ремонтируем, а вы соблюдайте режим и порядок, – ласково сказала сестра-хозяйка. – Уберите, милый, верёвки и железки.

– Ладно. Уберу. Когда со мной по-хорошему, – сказал Федя, – тогда я шёлковый.

«Странно, – подумал я, – зачем ему в санатории верёвки и крючья? Ведь это альпинистское снаряжение. Очень странно!»

Я побежал в столовую. Она была на первом этаже. Мне даже не понадобилось заходить внутрь. Папа сидел за столиком у открытого окна вместе с Василием Васильевичем, Миловановым и Торием.

Я подошёл и, наверно, глупо уставился на салаты из огурцов, которые стояли на столе, потому что все трое засмея-

лись.

– Привет! Ты что, проголодался? Огурцов захотел? – спросил папа.

– А где вы их, интересно, взяли? – спросил я, наверно, так подозрительно, что папа даже привстал и строго переспросил:

– Что за допрашивающий тон? Что значит – где мы взяли огурцы?

Тут я случайно заметил, что люди за соседними столиками тоже едят салат из огурцов, и сказал:

– Извините. К нам в огород вторую ночь подряд грабители забираются. Огурцы таскают.

– И ты взял под подозрение родного отца? – с обидой сказал папа. – Спасибо!

– Это у меня просто вырвалось. Мне хочется напасть на след, – объяснил я.

– И помногу таскают? – поинтересовался Василий Васильевич.

– Помалу. И ещё роняют. Анфиса Николаевна утром три штуки нашла, – ответил я, – что-то вспомнила и начала переживать.

– Это ваша хозяйка? – спросил он.

– Ага. Она хорошая. Всю войну провоявала. И я с Кышем буду защищать её огород. На третий раз мы их накроем с поличным! – пообещал я. – Такую ловушку поставим, что бабочка и та попадётся!

– Стоит ли из-за двух огурцов такой огород городить? – шутиливо сказал папа.

– Дело не в огурцах. Анфисе Николаевне что-то начало мерещиться, а мама беспокойно себя чувствует и говорит, что сегодня огурцы, а завтра ещё что-нибудь. Она трусиха... Вот твоя бритва. Я пошёл.

– Мне непонятно, чем занимается Кыш, когда кто-то орудует под вашим носом, – сказал папа.

– Ночью на Кыша совершила нападение кошка, и у него испортился нюх, – объяснил я, а Василий Васильевич засмеялся.

Милованов продолжал читать книгу и есть, а Торий решал шахматную задачу.

Вдруг в зале столовой гулко и скрипуче, как на школьных соревнованиях по бегу, загремел чей-то голос:

– Внимание! Внимание, товарищи! Сейчас с важным сообщением выступит Корней Викентич!

В зале стало тихо... Только позвякивали ложечки о края стаканов. Корней Викентич сообщил:

– Товарищи! Вчера вечером здесь, в этом зале, я поставил вас в известность о посягательстве на культурные ценности... Был изуродован Геракл... Почему вы опоздали, Ёшкин? – спросил он у пришедшего вместе с сестрой-хозяйкой Феде.

Она что-то шепнула на ухо Корнею Викентичу. Тот кивнул. Федя сел за папин столик. Он сам был похож на Герку-

леса. Его мускулы так и играли под белой майкой.

– Товарищи! Сегодня вновь обнаружены следы варварской деятельности человека, очевидно находящегося среди нас. На чудесной вазе, работы бывшего отдыхающего Восторгова, обнаружены слова: «Крым – это чудо. Берегите его!» Эти же слова вырезаны на скамейке около фонтана. – В зале возмущённо зашептались. – Слов, товарищи, нет! Нужны дела! Нужны действия! Повторяю: при полнейшем соблюдении режима и выполнении всех процедур! Нам брошен вызов! – воскликнул Корней Викентич и быстро вышел из столовой.

– Ах как наивен наш профессор! Публично призывать к борьбе с варварством неразумно, – сказал Василий Васильевич папе. – Варвар теперь законспирируется, и поймать его будет трудно. Но не невозможно. У меня, например, были дела посложнее.

– Вы профессиональный детектив? – спросил папа.

– Да.

– Рассказали бы хоть одно дело. Я совершенно не могу жить без детективов! – попросил Торий. – Я был бы счастлив!

Василий Васильевич промолчал. Я хотел тут же попросить его помочь мне поймать огородных воришек, но подумал, что момент сейчас неподходящий.

– Значит, уверены, что поймаете того, кто пишет буквы? – спросил Федя.

– Думаю, да.

– А что, собственно, такого случилось, что подняли шум на весь мир? – удивился Торий. – Ну, написали... Ну, нацарапали. Ну и что? Что это, последний Геракл? Их ещё тысячи в наших парках. Или скамейка? Цацкаются с ней, как с тронном Ивана Грозного. А шахматного столика на всей территории ни одного.

– Да-а! – только и сказал Милованов, с сожалением смотря на Тория.

– Вот именно, – согласился папа.

– Если я неправ, возражайте, – улыбаясь, пригласил всех Торий.

– Будьте уверены: возразим. Только после завтрака, – пообещал Василий Васильевич.

– Алёша! – позвала мама издалека, и мне стало стыдно, что я заставил её долго ждать на жаре.

Я рассказал маме, что кто-то опять испортил культурные ценности.

– Как он ухитряется остаться незамеченным? – удивилась мама. – Вот наглец!

– Папин сосед по палате, который со шрамом, – сыщик. Он его поймает! – сказал я.

На этот раз мы с мамой пошли на другой пляж, поближе к папиному лечебному. Там на берегу лежали громадные камни, скатившиеся когда-то, наверно, с Ай-Петри, и остроконечные, и круглые, и плоские, на которых загорали дикари. И в море тоже стояли целые скалы. Со скал ныряли двое мальчишек из пионерского патруля. Мама нашла для меня бухточку и сказала:

– Вот здесь тебе по грудь. Бултыхайся и учись плавать.

Я сажал Кыша на камень, когда шёл купаться, и он сидел, пугливо оглядываясь по сторонам: ведь вокруг было море. И когда на Кыша попадали брызги от волн, он облизывался. С плаванием у меня ничего не получалось, как я ни старался. Я только наглотался воды, отяжелел и сразу пошёл ко дну.

Тогда мама рассказала мне, как я учился ходить, держась за бороду дедушки...

«Я козёл рогатый! Я козёл рогатый! – говорил дедушка, встав передо мной на колени. – Держись за мою бородёнку!»

И я хватал дедушку за бороду, привставал с пола и вот так делал самые первые шаги в своей жизни...

По совету мамы, я стал держаться двумя руками за зелёную жёсткую бороду камня, ушедшего с макушкой под воду, а ногами учился двигать по-лягушачьи и как ножницами. Но стоило мне выпустить из рук зелёную бороду водорослей, как я захлёбывался и тонул. И меня разбирала такая зависть, что реветь хотелось! На моих глазах мальчишки и девчонки ныряли с камней, плавали в масках, с криком и хохотом отвоёвывали друг у друга матрацы, спорили, кто дольше продержится под водой, а я сидел в своей бухточке, как младе-

нец в корыте, или лежал под самодельным тентом и дрыгал от скуки ногами.

– Тебе нравится вот так отдыхать каждый день? – спросил я у мамы.

– Конечно. А тебе?

– Мне скучно. Прямо зубы ломит от скуки!

– Бери с собой книгу. Ты же привёз сказки Пушкина.

– На солнце трудно читать. Я их дома почитаю.

– Надо тебе купить тёмные очки.

– Лучше купи мне маску и ласты, – попросил я.

– Сначала научись плавать, – сказала мама.

Вдруг из моря её окликнул папа:

– Ирина-а!

Мама взмахнула рукой и поплыла к папе. Держась за оранжевый шар-поплавок, они кричали мне:

– Алё-ё!

– Эгей!

Они плавали наперегонки, пока над всем пляжем не загремел голос из репродуктора:

– Отдыхающий Сероглазов! Немедленно вернитесь на лечебный пляж! И приступайте к процедурам! Повторяю: отдыхающий Сероглазов!..

К папе направился катер, но папа быстро поплыл обратно, и диктор замолчал.

Я лежал под тентом, размышляя о краже огурцов, исцарапанном Геракле и изрезанной скамейке, и понял, что настал подходящий момент для разговора с Василием Васильевичем. Всё же он настоящий сыщик и научит меня расследовать преступления.

Я сказал маме:

– Вон в заборе щель. Я пойду к папе, он что-то хотел мне сказать, а ты покупайся и позагорай. Ладно?

– Иди, но ненадолго. И в море не лазить!

Кышу я велел ждать в тенёчке, но он и не рвался со мной. Положив голову на лапы, он ждал, когда из-под камня покажется крабик.

Я пролез через щель в заборе на лечебный пляж. Здесь лежали на деревянных лежаках под маленькими тентами одни мужчины. Почти все они молчали и о чём-то думали или читали, а если говорили, то тихо.

Я залез на волнолом и стал высматривать папу. Но его не было ни в море, ни на лежаках. Я подошёл к лежакам, на которых лежали Федя, Василий Васильевич, Торий и Милованов.

Милованов с большим выражением читал чьи-то стихи:

И там, где мирт шумит
    над падшей урной,
Увижу ль вновь
    сквозь тёмные леса
И своды скал,
    и моря блеск лазурный,
И ясные, как радость, небеса...

– Слеза!.. Форменная слеза! – сказал дрогнувшим голо-
сом Федя. – Верите, товарищи, ведь я и сам так думаю! Смотрю вот на это море, на горы, на, так сказать, рай земной и думаю: как мне своими словами воспеть красоту? Ведь разрывает же меня от неё на части! Разрывает! Но вот воспеть не могу...

– Я думал, ты состоишь из одних мускулов, а в тебе, оказывается, теплится Дух! Раздувай его! – Милованов хлопнул Федю по огромному, как у Геракла, плечу. – А вы, Торий, что скажете? Как вам эти стихи?

– По-моему, в них нет ничего особенного, – заметил Торий. Он, как всегда, играл сам с собой в шахматы. – Константация очевидного. Перечисление красот. Только ритмично организованное. «Своды скал, блеск моря» и, разумеется, вопрос: «Увижу ль вновь?» Все его себе задают, уезжая из Крыма.

– Слушайте, вы нас разыгрываете или впрямь не чувствуете поэзии? – спросил с удивлением Милованов. – И вообще чуда Красоты?

Не отрывая взгляда от шахматной доски, Торий скучным голосом ответил:

– Повторяю: поэзия для меня в игре Мысли, в её попытке проникнуть в тайны природы. Чудо же Красоты я вижу вот в этом гениальном этюде: белые начинают, но проигрывают.

– Это вы бесконечно проигрываете, – заметил всё время молчавший Василий Васильевич.

– Прошу пояснить, – сказал Торий, передвинув пешку.

– Эх! – только и сказал Василий Васильевич.

– Обратите внимание: вы в очередной раз бессильны доказать, что я неправ, – невозмутимо заметил Торий.

– Тебя не прошибёшь! – сказал Федя.

– Это из-за таких людей, как вы, гибнут реки, уничтожа-

ются целые виды животных, засоряется мировой океан и вообще нарушается равновесие в природе! – вскочив с лежака, воскликнул Милованов.

– При чём здесь я? Прошу пояснить. Я никого не уничтожаю, ничего не засоряю и не нарушаю.

– Верно, но такие, как вы, пытаются проникнуть в тайны природы и спокойненько и крепко спят, когда эту природу уродуют, а то и губят, – сказал Василий Васильевич.

– Да! Я крепко сплю, и меня ничем не разбудишь. Ну что вы, товарищи, ко мне прицепились из-за какого-то Геракла и дурацкой вазы? – засмеявшись, спросил Торий и сложил фигурки.

– Эх! – снова сказал Василий Васильевич и махнул рукой.

– Вот и правильно! Махните на меня рукой и позвольте вздремнуть, – попросил Торий, улёгся на лежаке и закрыл глаза.

– Во человек! – удивился Федя. – Уже спит!

Из разговора взрослых я мало что понял, но если бы меня спросили: «Ты за кого?» – я бы не задумываясь ответил: «За Милованова, Федю и Василия Васильевича!»

Я стоял в сторонке. Василий Васильевич окликнул меня:

– Алёша! – Я подошёл. – А где же пёс?

– Ловит крабов.

– А ты, наверно, мечтаешь изловить похитителя огурцов?

– Хотелось бы. Только я не умею.

– А вы здорово испугались?

– Больше всех мама, а хозяйка почему-то обрадовалась, хотя тоже немного испугалась. Я решил этой ночью дежурить в засаде. Боюсь только, что Кыш не вовремя залает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.